

Чу Ифэн растерянно посмотрел на Лин Сяо. Решив, что ослышался, он неуверенно произнес:

— Полно тебе. Пожалуй, это чересчур. Всыпать ему палок, да и дело с концом.

В Департаменте внутренних дел все было связано круговой порукой, и евнух Сюй вовсе не желал смерти Цзисяну. Сам бы он никогда не посмел возразить, но, завидев, что за провинившегося вступается Второй императорский внук, поспешно пал на колени:

— Молодой маркиз, проявите великодушие! Накажите этого верного пса несколькими десятками ударов, но пощадите его жизнь. Коли забить его насмерть... это ведь и на вашей репутации тенью ляжет.

Лин Сяо поднялся с постели, неторопливо запахнул просторный халат и небрежно перехватил волосы лентой. Одарив Сюй Цюаня пронзительным взглядом, он с тонкой усмешкой заметил:

— Евнух Сюй, к чему эти церемонии? Я еще не унаследовал титул, так что величать меня маркизом преждевременно. Зовите меня просто господином Лином.

У Сюй Цюаня перехватило дыхание. Сразу видна порода истинного преемника великого рода. Сам Сюй уже много лет возглавлял Департамент и, пусть формально считался слугой, имел второй чиновничий ранг. Любой другой юноша из благородной семьи заискивал бы перед ним, но молодой господин Лин и не думал идти на уступки.

Евнух мысленно обругал себя за болтливость. Император безгранично благоволил Лин Сяо, нрав у того был далеко не кротким, а из его речей сквозило непреклонное желание довести расправу до конца. Сам же напросился на неприятности!

Проведя в дворцовых стенах полжизни, Сюй Цюань превосходно умел читать людей и понимал: этого юношу ждет великое будущее. Не желая навлекать на себя его гнев, он поспешно пролепетал:

— Раб виновен, раб посмел совать нос не в свое дело! Государь повелел: пусть все решится по воле... господина Лина.

— Вот и славно, — улыбнулся Лин Сяо. — Ступай и созови всех управляющих евнухов Восточного дворца. Пусть казнь свершится у них на глазах.

Этот Цзисян возомнил себя всесильным? Лин Сяо давно разузнал о его делишках. Тот не просто обкрадывал Второго императорского внука, но и жестоко измывался над младшими слугами. Вчера посыльный, отправленный Лин Сяо за личи, по прихоти Цзисяна простоял на коленях полдня, да еще и получил десяток пощечин. Раз этот подлец так любил наживаться на чужой беде и унижать слабых, пусть теперь сам познает эту чашу до дна.

Лин Сяо никогда не мнил себя поборником справедливости, но те, кто смел переходить ему дорогу, могли винить лишь собственную глупость.

Поняв, что дело решено, Сюй Цюань низко поклонился и попятился к выходу. Оказавшись за порогом, он утер холодный пот и поспешил исполнить приказ.

Воспользовавшись благодушным настроением старого императора, Лин Сяо сполна отомстил за обиды Чу Ифэна. Сам Второй императорский внук не придавал этому значения, но Лин Сяо чувствовал глубокое удовлетворение. Целый год после прибытия во дворец он вел себя тихо, стараясь не привлекать внимания, и эти ничтожества решили, что его можно безнаказанно задевать? Глупцы. За его спиной стояло покровительство Наследной принцессы и благосклонность самого государя. Теперь весь дворец уяснил: молодой маркиз, приставленный к Четвертому императорскому внуку Чу Ияню, на первый взгляд кажется покладистым, но в гневе страшен. И поскольку Восточный дворец души в нем не чаял, слуги из кожи вон лезли, чтобы ему угодить.

Но кое-кто все же умудрился проявить глупость. Благородная дама Чжао из дворца Летящих Ласточек лишилась покоя: забитый насмерть Цзисян был когда-то прислан из ее родного дома. Все эти годы они покрывали друг друга, и именно благодаря ее заступничеству евнух безбоязненно набивал карманы. Узнав о его гибели, разгневанная госпожа Чжао всю ночь проплакала, а на следующий день явилась к императору со слезами:

— Цзисян долгие годы верой и правдой служил Вашему Величеству. Он совершил лишь одну оплошность, так за что же его предали столь лютой казни? Ваша покорная слуга столько лет провела во дворце, а ныне не смогла уберечь даже преданного слугу...

Старый император с самого утра обсуждал с министрами повсеместную установку драконьих насосов нового образца, и нелепые жалобы Чжао-гуйжэнь лишь вызвали у него раздражение.

— Дерзнуть покуситься на содержание императорского внука! — нетерпеливо взмахнул он рукавом. — За такое и смерти мало!

Хозяйка дворца Летящих Ласточек, наложница Цзи, со снисходительной улыбкой пропела:

— Сестрица Чжао, верно, совсем лишилась разума от горя. Помнит лишь о том, что этот раб явился из ее родного поместья... Впрочем, горевать есть о чем. Покойный Цзисян всегда выказывал сестрице редкую преданность и, поговаривают, никогда не забывал преподносить ей щедрые дары.

До Чжао-гуйжэнь наконец дошел весь ужас ее положения. От слов императора и ядовитых намеков Цзи-пинь ее бросило в холодный пот. Вместо того чтобы поскорее откреститься от покойного слуги, она сама полезла в петлю! Теперь государь заподозрит, что украденное у Чу Ифэна серебро оседало в ее собственных ларцах.

Дрожа от страха, благородная дама Чжао пала ниц:

— Пощадите, Ваше Величество! Ваша глупая слуга ослепла от досады! Любой слуга, пренебрегший своим долгом перед правящим домом, достоин лишь смерти. Я лишь сокрушалась, что выходец из нашей семьи оказался столь низким подлецом!

Император снисходительно кивнул. Он хорошо знал нрав Чжао-гуйжэнь: вздорная, недалекая и падкая до мелкой наживы, она попросту не имела ни ума, ни смелости для плетения заговоров за его спиной.

Цзи-пинь не стала усугублять положение соперницы. Добившись своего, она велела подать свежие сладости и завела с императором приятную беседу. Будучи умудренной годами обитательницей гарема, она превосходно знала привычки владыки и ловко направляла разговор в нужное русло. Вскоре государь вновь благодушно рассмеялся, совершенно позабыв о дрожащей на полу Чжао-гуйжэнь.

После этой расправы нравы в Восточном дворце заметно улучшились. В Дворике Китайской Яблони слуги и простые судомойки вздохнули с облегчением. Их господин безразлично относился к бытовым благам, из-за чего и челяди приходилось терпеть лишения. Наконец-то многолетней несправедливости был положен конец!

Вслед за наведением порядка во внутреннем дворце последовали награды и на службе. В знак признания заслуг Второго императорского внука Чу Ифэна и наследника маркиза Шоукан Лин Сяо государь одарил внука золотом и драгоценностями, а Лин Сяо в обход правил пожаловал должность советника четвертого ранга. Помня, что юноша все еще состоял при Четвертом императорском внуке Чу Ияне, император милостиво позволил ему являться на службу лишь в дни, оканчивающиеся на пять и ноль. Милость государя была поистине безграничной.

Выслушав указ, Лин Сяо мысленно усмехнулся. Все шло по плану. Интересно, с каким лицом его достопочтенный отец, Лин Жусюэ, встретит это известие в поместье маркиза Шоукан? Сын обогнал собственного родителя по службе. Что же, Лин Жусюэ, продолжай и дальше прозябать в должности помощника министра юстиции пятого ранга.

Получив высочайшее повеление прямо во дворце, Лин Сяо незамедлительно отправился выразить благодарность. Старый император долго и тепло напутствовал юношу. Правитель искренне любил внука своего старого боевого товарища, с которым когда-то делил тяготы походов. Столь одаренный и не по годам проницательный юноша вызывал у него гордость — среди нынешней молодежи подобные таланты были редкостью.

В приливе щедрости государь осыпал его новыми дарами. Почтительно откланявшись, Лин Сяо направился в покои Наследной принцессы.

Наследная принцесса уже знала о его назначении и о награде для своего второго сына. Растроганная до глубины души, она взглянула на Лин Сяо:

— Какое достижение... Едва вступив на службу, ты уже удостоился четвертого ранга. Как жаль, что Чжуан-эр не дожидается этого дня и не видит твоего триумфа... — При упоминании покойной сестры к ее горлу подступили слезы. Она промокнула уголки глаз платком и постаралась взять себя в руки: — Но довольно об этом. Я слышала о государевой милости. Спасибо, что не оставляешь заботой моих сыновей.

— Тетушка, ваши слова смущают меня, — поспешно отозвался Лин Сяо, склонив голову. Слово "забота" казалось ему слишком громким. — Это Второй императорский внук во многом помог мне.

Наследная принцесса мягко улыбнулась:

— Уж кому, как не матери, знать способности Фэн-эра. В ратном деле он мастер, но подобные тонкости ума ему не под силу... Когда я забирала тебя во дворец, то думала лишь о твоём будущем, желая скрепить дружбу с императорскими внуками с малых лет. Я и представить не могла, насколько искренним окажется твое сердце. Ты одинаково предан и Янь-эру, и Фэн-эру. Видеть ваше согласие для меня величайшая отрада.

Черты лица Наследной принцессы разительно напоминали покойную Вэй Чжуан. Лед, сковавший сердце Лин Сяо, дрогнул от ее теплых слов. Он склонил голову и негромко произнес:

— Мы близкие родственники, иначе и быть не могло.

Эти слова принесли Наследной принцессе и радость, и щемящую грусть. Сжав ладонь Лин Сяо в своей, она прошептала:

— Славный мальчик... Мало кто во дворце сохраняет такую верность. Мы с Наследным принцем долгие годы трудились ради того, чтобы к моменту, когда власть перейдет к Цзинь-эру, пролилось как можно меньше крови. Если вы, братья, будете жить в мире и согласии, это станет благословением для Поднебесной.

Наследная принцесса назвала его в числе "братьев", словно признавая собственным сыном. Лин Сяо почтительно кивнул в ответ на это проявление материнской ласки, но в душе остался холоден.

"Мир среди императорских внуков? Пожалуй, лишь Наследная принцесса могла верить в столь несбыточную сказку"

Они беседовали еще долго, прежде чем Лин Сяо откланялся. Покинув чертог, он неторопливо направился к Терему Внимания Ветру. Дорога огибала озеро Фэньян. Из-за искусственной горки навстречу ему со спокойной улыбкой шагнул человек:

— Поздравляю, кузен. Не думал, что ты опередишь меня на государственной службе.

Чу Ицзинь не был глупцом. Ход Лин Сяо застал его врасплох, однако стоило поразмыслить, как тайный умысел кузена сделался очевиден. Он полагал, что наивный Чу Иянь не сможет удержать Лин Сяо, и тот рано или поздно примкнет к нему. Но кто бы мог подумать, что этого юношу переманит простодушный Чу Ифэн! Чу Ицзинь едва сдерживал бушевавшую внутри ярость, из последних сил сохраняя привычную маску благородного изящества.

За прошедший год Лин Сяо заметно вытянулся и теперь ничуть не уступал Чу Ицзиню в росте. Держась с достоинством, он сдержанно кивнул:

— Лишь по великой милости государя.

Чу Ицзинь, будучи старшим сыном законной супруги, с рождения привык получать все, чего желал. Нынешний отказ уязвил его самолюбие, разжег неистовое нетерпение. Позабыв о придворных приличиях, он холодно улыбнулся:

— Разумеется. Но коли ты, кузен Лин Сяо, столь щедро одаряешь дружбой Второго и Четвертого братьев, почему бы не уделить ее малую толику и мне? Как только что изволила заметить матушка... согласие между братьями принесет счастье. Разве ты сам не согласился с ней?

Лин Сяо похолодел внутри. С тех пор как он покинул покои Наследной принцессы, не прошло и четверти часа, а Чу Ицзинь уже знал каждое сказанное слово! В комнате не было посторонних...

Лин Сяо сжал кулак, затем медленно разжал пальцы. Прикрыв на миг глаза, он тихо произнес:

— Старший императорский внук поистине почтителен к родителям, раз столь быстро узнает о речах матушки.

"Если Чу Ицзинь держит соглядатаев при собственной матери, то у Чу Ифэна их наверняка еще больше... Неужели недавние слова Фэн-эра о желании уехать на север уже известны его старшему брату?"

Чу Ицзинь давно чувствовал себя во дворце полноправным хозяином и не собирался скрывать свое влияние. Он снисходительно улыбнулся:

— Безусловно. Мне лишь искренне жаль. Я считаю себя человеком проницательным, да и ты, Лин Сяо, не обделен умом. Мы могли бы понимать друг друга с полуслова. Отчего же ты предпочел помогать Второму брату, вместо того чтобы присягнуть мне? Ведь я давно обещал тебе блестящее будущее.

"Присягнуть?"

"Ты этого недостойн"

Чу Ицзинь испытывал к строптивому кузену одновременно жгучую ненависть и непреодолимое влечение. Внезапно он скользнул взглядом куда-то влево. Лин Сяо невольно проследил за его взором, и в то же мгновение Чу Ицзинь подался вперед, властно прижимая его к себе...

Опомнившись, Лин Сяо резко оттолкнул его. Чу Ицзинь отлетел на несколько шагов, покачнулся, но удержал равновесие. Не успел Лин Сяо дать волю гневу, как Старший императорский внук с легкой улыбкой продемонстрировал зажатую в пальцах вещицу:

— Не потому ли ты так благоволишь Второму брату, что хранишь этот подарок?

В его руке покачивалась Нефритовая подвеска Согласия — та самая, что Чу Ифэн подарил Лин Сяо при первой встрече. Лин Сяо лишь недавно стал носить ее на поясе. Возмущенный столь наглой выходкой, он ледяным тоном процедил:

— Что это значит? Какое счастье, что Наследный принц не видел этого недостойного зрелища. Едва ли он поверил бы, что его всегда столь благопристойный старший сын способен на подобную грубость.

Чу Ицзинь лишь пренебрежительно усмехнулся. Поигрывая безделицей на длинном шнурке, он плавно покачивал ее перед собой:

— Какая изящная вещица. Но сколь бы ценным ни был этот нефрит, он остается лишь игрушкой. Разве трудно достать подобный? Все, чем одарил тебя Чу Ифэн, я могу преподнести в стократном размере. И даже больше.

Лин Сяо неотрывно следил за подвеской, едва удерживаемой тонкими пальцами соперника. Сердце предательски сжалось от страха, что тот умышленно уронит ее, но внешне он сохранял абсолютное спокойствие.

— Боюсь, мои притязания скромны, — невозмутимо ответил он.

На самом деле Лин Сяо никогда не планировал возводить Чу Ифэна на престол. Да, он проявил решимость во Дворике Китайской Яблони, но руководствовался лишь сиюминутным порывом. Однако в одном Чу Ицзинь не заблуждался: при любых обстоятельствах Лин Сяо ни за что не станет помогать Старшему императорскому внуку.

— Искренне жаль... — тихо проговорил Чу Ицзинь. — Столь благородный нефрит попал не в те руки. Это неправильно...

Пальцы разжались. Подвеска соскользнула вниз.

Лин Сяо рванулся вперед, силясь поймать ее у самой земли, но опоздал. С глухим стуком нефрит ударился о каменную дорожку и с сухим треском разлетелся на мелкие осколки.

Внутри у Лин Сяо все оборвалось. С трудом сдерживая kloкочущую ярость, он сквозь зубы выговорил:

— Чу... И... Цзинь!

— Ох, какая неловкость... пальцы соскользнули, — с деланным сожалением вздохнул Чу Ицзинь. На его лице проступило торжество. — Любуясь столь редким сокровищем, я проявил непростительную неосторожность. Позволь мне загладить вину и подарить тебе замену? — С этими словами он неторопливо отвязал от своего пояса великолепную драгоценность. — Отец пожаловал мне ее в день моего совершеннолетия. Она ничуть не уступает твоей потере. Тебе нравится, Лин Сяо?

Оправдание звучало безупречно, а поблизости не было ни единого свидетеля. Даже устрой Лин Сяо скандал, никто не поверил бы в злой умысел Старшего императорского внука. Юноша медленно закрыл глаза, гася вспышку гнева. Посмотрев прямо в лицо Чу Ицзиню, он ледяным тоном ответил:

— Подобное сокровище не по чину вашему скромному слуге.

Опустившись на одно колено, Лин Сяо бережно собрал с земли расколотые кусочки нефрита. Поднявшись, он отвесил Чу Ицзиню холодный, едва заметный поклон и зашагал прочь.

Чу Ицзинь небрежно коснулся свисающей ветви ивы и, глядя вслед удаляющемуся юноше, тихо прошептал:

— Лин Сяо, придет день, и ты примешь мой дар.

Лин Сяо не обернулся. Сжав в кулаке острые обломки нефрита, он ускорил шаг.